

Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства

Н. В. Самсонов

Российский государственный университет правосудия (Ростовский филиал),
Российская Федерация, 344038, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66

Для цитирования: Самсонов, Николай В. 2022. «Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 415–432. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.208>

В статье с целью выявления сущности гражданской процессуальной доктрины, отграничения ее от близких понятий и определения ее значения для развития и регламентации отечественного гражданского судопроизводства анализируются существующие в юридической науке подходы к пониманию правовой доктрины. На этой основе дается авторское определение понятия «доктрина гражданского процессуального права» и проводится классификация правовых доктрин. Кроме того, автор исследует имеющиеся случаи использования гражданской процессуальной доктрины Конституционным Судом РФ и иными судами для мотивировки своих решений. Делается вывод, что судейское восприятие доктрины в качестве источника (формы) права отсутствует, она используется лишь как один из дополнительных аргументов, не имеющих решающего характера, наряду с правилами логики и бытового здравого смысла. Среди существенных факторов, препятствующих использованию правовой доктрины, в качестве источника (формы) гражданского процессуального права автор называет ее несоответствие требованиям правовой определенности и обязательности, а также отсутствие механизма применения доктринальных положений в гражданском судопроизводстве и стремление правовой доктрины «раствориться» в иных источниках (формах) права. Предлагается рассматривать доктрину гражданского процессуального права не как источник в значении формы права, а как источник знаний о праве, служащий основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме, как системосоздающий феномен, являющийся теоретико-методологической основой правовой системы, предлагающий перспективные модели судоустройства и гражданского судопроизводства, правового регулирования процедуры рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, феномен, влияющий на правосознание судей и иных участников гражданского процесса.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, правовая доктрина, источники (формы) права, мотивировка решений, правовая позиция, право-толкование.

1. Введение

В современных условиях развитие гражданского процессуального права, его судоустройственных и судопроизводственных аспектов должно базироваться на научном подходе, ибо использование метода проб и ошибок дорого обходится как стране и обществу в целом, так и отдельным лицам, нуждающимся в судебной

защите своих прав и законных интересов¹. Это свидетельствует о существенном росте значимости доктрины гражданского процессуального права как составной части юридической науки.

Все чаще употребляются термины «доктринальный», «доктринальная позиция», «процессуальная доктрина», которые зачастую противопоставляются процессуальному закону. Полагаем, что правовая доктрина представляет собой юридический феномен, оказывающий существенное воздействие на правовую жизнь любого общества, активно влияющий на развитие и совершенствование национальных правовых систем, формирование современного права, правосознания и правоприменительной практики.

Тем не менее в юридической теории наличествуют значительные разногласия относительно правовой природы данного феномена, его признаков, свойств и места в системе права, высказываются противоположные взгляды на эти и аналогичные вопросы, по-разному оцениваются регулятивные свойства правовой доктрины, ее соотношение с системой источников (форм) права, само понятие «правовая доктрина» наполняется различным смыслом (Лазарев 2020, 12), что и побуждает нас исследовать соотношение правовой доктрины с системой источников (форм) российского гражданского процессуального права.

2. Основное исследование

Термин «правовая доктрина» полисемичен. В словарях и энциклопедиях доктрина определяется как производное от лат. *doctrina* — «учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий принцип» (Введенский 1963, 343), «совокупность признанных научных или официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения чего-либо» (Тихомиров 2005, 293). Термин «доктрина» используется во многих сферах жизни общества и в каждой из них приобретает особенное значение. Так, в сфере обороны действует военная доктрина, на стыке экономики и государственной безопасности — доктрина продовольственного суверенитета, в сфере международных отношений известна доктрина Драго, получившая правовое оформление в Конвенции Драго — Портера, принятой в ходе 2-й Гаагской конференции 1907 г. Эта конвенция устанавливает принцип недопустимости вооруженного вмешательства одного государства в дела другого для взыскания международных долгов (Братусь 1953, 186).

В области права, правового регулирования термин «правовая доктрина» и его синоним «юридическая доктрина» используются достаточно давно, однако это не привело к единообразному пониманию и не исключает существования нескольких отличающихся значений, в числе которых, например, А. А. Зозуля выделяет следующие:

- правила и ориентиры, используемые для решения многообразных государственных и правовых проблем;
- принадлежащие перу наиболее известных юристов доктринальные тексты, излагающие их взгляды на те или иные проблемы права, содержащие толкование права;

¹ Статья представляет собой результат научных исследований автора, изложенных в диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук (Самсонов 2021).

- официальные документы, концептуально значимые для построения и деятельности систем, обеспечивающих национальную безопасность;
- системы научно-философских воззрений на государство и право, включая политико-правовые учения;
- господствующую в юридическом сообществе систему форм восприятия и понимания права — теоретическую составляющую национальной правовой системы (Зозуля 2006, 27–28).

Несколько иначе формулирует присущие термину «юридическая доктрина» значения Е. В. Вавилин: «...учение (теория) как совокупность теоретических положений о правовых явлениях; государственная программа (концепция) регулирования тех или иных отношений, постановка целей, задач, определение средств их реализации; совокупность общих начал, исходных конституирующих принципов права, поддерживаемых или санкционированных государством; руководящие теоретические принципы, основополагающие дефиниции; научные труды юристов» (Вавилин 2008, 87).

Полагаем, что в целях исследования правовой доктрины в ее соотношении с источниками (формами) гражданского процессуального права целесообразно исключить из вышеприведенной палитры смыслов следующие:

- излишне неопределенные значения, такие как «правила и ориентиры, используемые для решения проблем»;
- значения, отсылающие к феноменам государственного происхождения, таким как принятые за последние годы различные доктрины, концепции и программы, утверждаемые или одобряемые Президентом² или Правительством³ РФ, ибо указанные акты представляют собой официальные политические документы квазигиридического характера (Зозуля 2006, 124) и сближаются до степени смешения с нормативными правовыми актами, что, на наш взгляд, препятствует рассмотрению указанных документов в качестве проявлений правовой доктрины, характеризующейся негосударственным происхождением;
- общие начала, дефиниции и принципы, которые не могут сами по себе выступать в качестве источника (формы) права, поскольку представляют собой содержание той внешней формы выражения права, в которой они прямо или косвенно зафиксированы; вероятно, действительно возможны ситуации, в которых, как отмечает А. С. Федина, содержание принципов развивается быстрее формы, поскольку выявление истинного содержания принципов прямо связано с развитием науки, а форма, в которой они выражаются, с развитием законодательства (Федина 2014); тем не менее, по нашему мнению, данное обстоятельство, связанное с различными темпами развития указанных явлений, только подчеркивает недопустимость сме-

² Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 «О доктрине развития российской науки»; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ» (здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 13 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru>).

³ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине РФ».

шения формы и содержания и, напротив, обуславливает необходимость различать сам правовой принцип и ту форму, в которой он выражается.

А. А. Васильев ограничивается выделением меньшего числа значений правовой доктрины, полагая, что ее можно рассматривать как юридическую науку в целом или ее часть; учение о праве или идеальном правопорядке; господствующие в том или ином обществе представления о праве, его роли и ценности (Васильев 2007, 19–20).

Последнее из приведенных значений также представляется нам неприемлемым для целей данного исследования прежде всего в силу его неопределенности, поскольку российское общество разделено на классы, страты, национальные и религиозные сообщества, в которых представления о праве могут радикально различаться. Наиболее распространенное из этих представлений может в корне не совпадать с представлениями господствующего слоя либо, имея всеобщий характер, быть нигилистическим, антиправовым (как, например, выраженное в пословице «Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло» убеждение в способности властей предрержащих использовать право в своих интересах). Такие представления о праве не могут претендовать ни на роль правовой доктрины, ни на включение в ее состав в качестве элемента в силу их неправового характера и/или ненаучного происхождения. Кроме того, «представления о праве, его роли и ценности» неизбежно в своем развитии складываются в систему политических, правовых и т. п. взглядов, которая именуется идеологией (Введенский 1963, 402), а в соответствии с ч. 2 ст. 13 Конституции РФ никакая идеология не может быть обязательной. Следовательно, допущение использования термина «правовая доктрина» в приведенном смысле исключает возможность признания ее обязательности на территории РФ, что, в свою очередь, делает нерациональными дальнейшие исследования, нацеленные на выявление наличия у правовой доктрины в таком понимании признаков источника (формы) права.

Поэтому мы считаем возможным в настоящей статье рассматривать термин «правовая доктрина» исключительно в его узком значении, соответствующем устоявшимся в российском правоведении представлениям о данном явлении и подчеркивающим его связь с юридической наукой. Так, Т. М. Пряхина отмечает, что российская правовая наука традиционно рассматривает доктрину как систематизированное учение, целостную концепцию, научную теорию, выступающую основой программного действия (Пряхина 2004, 5). По определению Т. Я. Хабриевой, доктрина представляет собой авторитетный взгляд ученых, выраженный в форме принципов, теорий, концепций (Хабриева 2009, 34). Е. О. Мадаев рассматривает правовую доктрину как научную теорию, лежащую в основе формирования и функционирования большинства элементов правовой системы, отличающуюся устойчивостью и авторитетностью (Мадаев 2012, 122). В. С. Нерсесянц определял доктрину как учение о форме права, его общей концепции, отдельных положениях и системе права в целом, разрабатывающего и обосновывающего юридико-познавательные формы (принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы и т. д.) и трактовку позитивного права (его источников, системы и структуры, его действия и восстановления и т. д.) (Нерсесянц 1999, 382). По мнению Н. М. Чепурновой и А. В. Серегина, правовую доктрину следует воспринимать как

сумму юридических взглядов и методологических положений, ориентированных на разрешение правовых споров и формирование правовых позиций по наиболее значимым для общества вопросам (Чепурнова, Серегин 2007, 244). С. В. Бошно представляет доктрину как «комплекс теоретических положений, отражающих сложившееся научное мнение, которое в силу своей глубины и авторитетности востребовано общественной практикой и выступает регулятором общественных отношений» (Бошно 2005, 18).

Кроме того, мы убеждены, что в условиях методологического плюрализма, академической свободы и при отсутствии монополии на научную истину (Зайцев, Демиева 2019) несколько нелогично рассматривать правовую доктрину как нечто единое, цельное и монолитное. Полагаем, что правовая доктрина не может существовать в единственном числе и восприниматься исключительно как общетеоретический феномен. Поэтому мы считаем возможным поддержать О. В. Зайцева и Р. В. Пузикова в их предложении о необходимости подразделять правовые доктрины по содержанию на общеправовые доктрины, доктрины отдельных отраслей права (Зайцев 2017а, 88; Зайцев 2014) и доктрины отдельных правовых институтов (Пузикив 2003).

К первым, на наш взгляд, следует относить доктрину позитивного права, доктрину естественного права, концепции интегративного правопонимания и др. К отраслевым правовым доктринам относятся доктрина конституционного права, гражданско-правовая доктрина, гражданская процессуальная доктрина и т. д. Формирование отраслевых доктрин, безусловно, зависит от вида общеправовой доктрины, в рамках которой они формируются, но, как и появление новых отраслей права, появление новых юридических доктрин всегда обусловлено насущными потребностями общества, необходимостью более глубокого, системного регулирования и изучения той или иной сферы общественных отношений. По нашим наблюдениям, достаточно часто до возникновения новой самостоятельной отрасли права появляются доктринальные труды, из которых формируется соответствующая отраслевая доктрина. В качестве примера можно привести дискуссию, касающуюся определения места исполнительного права в системе права, возникшую после обособления данной отрасли от гражданского процессуального права; итогами этой дискуссии стали «разработка целостной концепции законодательства об исполнительном производстве на основе комплексного изучения источников исполнительного права, а также анализа действующей системы правового регулирования деятельности органов принудительного исполнения в Российской Федерации и отдельных зарубежных странах» и формирование теоретических основ для выявления «направлений и тенденций ее развития» (Улётова 2007, 6).

К доктринам отдельных правовых институтов следует относить доктрину судебного прецедента, учение об иске, учение о доказательствах (Фокина 2011) и т. д.

Осознавая отсутствие в современной юридической науке общепризнанной позиции по вопросу о сущности и значении правовой доктрины, признавая невозможность ее исчерпывающей характеристики в данной работе и не претендуя на полноту охвата всех сущностных черт правовой доктрины, мы полагаем необходимым дать собственное определение.

Доктрина гражданского процессуального права, по нашему убеждению, представляет собой характеризующуюся внутренним единством, сформированную

в результате теоретического осмысления объективного состояния отечественного гражданского судопроизводства совокупность теоретических взглядов, признанных в юридической науке обоснованными, по поводу сегодняшнего состояния и перспектив развития гражданского судопроизводства, действительного содержания актов, регламентирующих гражданские процессуальные правоотношения, а также различных аспектов правоприменения в ходе гражданского процесса, включающую в себя комментарии к законодательству и судебной практике, объяснения различных дискуссионных аспектов гражданского процессуального права, но не ограничивающуюся этим и имеющую внешнее выражение в научных трудах наиболее авторитетных ученых-процессуалистов.

На сегодняшний день в отечественном правоведении нет единого мнения о том, выступает ли правовая доктрина источником современного российского права, однако в последние годы появляется все больше специалистов в области теории государства и права, рассматривающих доктрину как источник (форму) права. Представители гражданской процессуальной науки достаточно осторожно, а скорее отрицательно, относятся к идеям, в которых допускается возможность признания правовой доктрины отраслевым источником права.

В научных работах, посвященных гражданскому процессуальному праву, употребляются слова «доктрина», «процессуальная доктрина», «доктрина гражданского процессуального права», но, как правило, термин «доктрина» используется в качестве синонима слов «наука», «теория», «учение»⁴, а правовая доктрина, процессуальная доктрина не относятся к числу отраслевых источников (форм) права. Так, А. Ф. Воронов пишет, что «доктрина не тот источник, которым можно пользоваться и на который можно ссылаться при рассмотрении дел» (Воронов 2017).

Рассматривая в качестве правовой доктрины такие работы признанных ученых-юристов, которые суды могут использовать для обоснования выносимых постановлений наряду с законом, А. А. Демичев и О. В. Исаенкова отмечают, что в России доктрина не признается источником права в силу сложившейся исторической традиции (Демичев, Исаенкова 2006). Процессуальная доктрина упоминается М. Ш. Пацация в качестве элемента правовой идеологии, в одном ряду с правовыми подходами Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, элемента, оказывающего воздействие на судебное-правовое развитие в аспекте дискреционных полномочий судей, но в то же время являющегося ее наименее сильной частью (Пацация 2015). Не включают в состав источников гражданского процессуального права, в значении формы права, правовую доктрину и такие авторы, как Ю. А. Свиринов и Е. В. Леус (Свиринов, Леус 2015). В подавляющем большинстве учебников по гражданскому процессу, подготовленных ведущими процессуальными школами, правовая доктрина как отраслевой источник права не называется (Ярков 2017; Треушников 2014, 100).

Тем не менее мы полагаем, что исследование возможности наличия у правовой доктрины черт, характерных для источника (формы) гражданского процессуального права, представляет собой теоретический и практический интерес по следующим причинам:

⁴ Здесь необходимо учитывать, что далеко не вся наука является доктриной, как и не все имеющиеся теории, учения являются научными.

- ряд исследователей в области общей теории государства и права (Васильев 2007, 8; Вопленко 2004, 18; Зозуля 2006, 10; Бошно 2005, 17–18) видят в правовой доктрине источник (форму) отечественного права либо фактор, непосредственно влияющий на правотворческую и правоприменительную деятельность; следовательно, если правовая доктрина может быть признана источником (формой) отечественного права в целом, то она способна выступать в аналогичном качестве и для отдельной его отрасли;
- в исторически обозримом периоде правовая доктрина уже являлась признанным источником (формой) права; так, В. В. Скитович и В. В. Седелник отмечают, что в Древнем Риме главным источником права был не закон (*lex*), а деятельность магистратов и ученых-юристов, правовые нормы создавались судебной властью и доктриной (Скитович, Седелник 2011); Д. Я. Малешин пишет, что вплоть до конца XIX в. одним из основных источников скандинавского права, наряду с обычаем, была доктрина (Малешин 2010);
- в некоторых государствах доктрина является источником (формой) права и в настоящее время; в связи с этим А. Я. Курбатов обращает внимание, что в англосаксонской правовой семье особые полномочия судов обосновываются именно положениями доктрины, которая в данной совокупности национальных правовых систем традиционно относится к источникам права (Курбатов 2013); а В. Ю. Артемов и В. И. Лафитский, отмечая недостаточную кодифицированность законодательства Саудовской Аравии, указывают на присущую мусульманско-правовой доктрине роль источника права (приводится по: (Лебедев, Хабриева 2012)).

Кроме того, несмотря на отсутствие упоминаний о правовой доктрине и о юридической науке в Гражданском процессуальном кодексе РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ГПК РФ), ряд норм гражданского процессуального законодательства посвящен судебному правотолкованию. Правотолкование же, в свою очередь, выступает одной из функций правовой доктрины, которая проявляется в том, что тексты, составляющие гражданскую процессуальную доктрину, содержат значительное число комментариев к законодательству, правоприменительной практике, а также разъяснения, толкование, анализ гражданского процессуального права в целом и его отдельных положений.

Так, в п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ закреплено полномочие суда кассационной инстанции отменить либо изменить обжалуемые постановления и принять новое судебное постановление, если нижестоящим судом допущена ошибка в толковании норм материального права. Проверка правильности применения и толкования норм не только материального, но и процессуального права согласно ч. 2 ст. 390 ГПК РФ также отнесена к компетенции кассационной инстанции. Из п. 5 ч. 1 и ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ следует, что аналогичными полномочиями обладает и надзорная инстанция — Президиум Верховного Суда РФ, а нарушение судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права, что возможно при наличии в судебном акте противоречий относительно разъяснений, данных Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума или Президиума⁵, п. 3

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25.11.2015.

ст. 391.9 ГПК РФ включается в число оснований для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора.

Представляется очевидным, что толкование права, осуществляемое нижестоящими судами, равно как разъяснение права Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума и постановлениях Президиума, сопряжено с обращением не только к действующему законодательству, но и к достижениям юридической науки, к правовой доктрине, что прямо свидетельствует о ее значимости для правового регулирования и правоприменения.

Кроме того, отнесение того или иного текста к источникам (формам) права в юридической деятельности, а тем более в судопроизводстве может выступать критерием правомерности тех или иных действий, основанием для оценки легальности поведения и/или принятого решения. Поэтому мы полагаем, что вопрос о возможности включения правовой доктрины в систему источников (форм) гражданского процессуального права имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Между тем, к сожалению, использование трудов ученых-процессуалистов для обоснования судами того или иного процессуального решения скорее представляет редкостное исключение, нежели устоявшееся правило, что связано, как нам видится, прежде всего с отсутствием у процессуальной доктрины черт, необходимых для источника (формы) гражданского процессуального права, таких как соответствие требованиям правовой определенности и обязательности, а также с отсутствием механизма применения доктринальных положений в гражданском судопроизводстве.

В судебных решениях, как правило, содержатся ссылки на Конституцию, законы, иные нормативные правовые акты, акты высших судов, но не на научные труды и положения правовой доктрины, хотя последние могут быть использованы и используются судами при решении тех или иных процессуальных вопросов. В судебных актах, принятых по гражданским делам, ссылки на правовую доктрину используются исключительно для факультативной аргументации и даже представляют собой скорее отступление от общего правила. Связано это с тем, что, как справедливо отмечает О. В. Зайцев, объективно невозможно определить совокупность качественных характеристик научного труда, позволяющих ему обладать признаками источника (формы) права. Авторитетность ученого или научной школы к таковым не относятся, поскольку в современной науке имеется множество примеров достаточно жесткой критики, высказываемой уважаемыми, авторитетными учеными в отношении позиций друг друга (Зайцев 2017b, 63–64), в связи с чем встает неразрешимый на практике вопрос: кто будет определять, является ли тот или иной текст научным или квазинаучным?

Так, В. А. Хохлов, понимающий под доктриной систему взглядов отдельных ученых или групп ученых, относительно трактовки определенного правового феномена отмечает, что доктрина всегда выражает субъективное (индивидуальное) научное мнение, хотя это мнение и представляется аргументированным (Хохлов 2009, 15). Именно такая субъективность, сопряженная с наличием в гражданской процессуальной науке противоположных точек зрения, каждая из которых подтверждается разной степени убедительности доводами, и позволяет рассматривать гражданскую процессуальную доктрину как нечто недостаточно определенное для использования в качестве источника (формы) права.

Также возникает принципиально важный, но риторический вопрос: могут ли ученые-юристы, не обладающие законодательной или судебной властью, создавать нормы, которые сами по себе будут общеобязательными?

Как мы отмечали ранее, в Конституции и действующем законодательстве можно усмотреть разной степени эксплицитности основания для признания легального права на нормотворчество за Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ (Самсонов 2019). Совершенно иная ситуация складывается применительно к доктрине. Признание правовой доктрины источником (формой) права фактически расширит круг субъектов правотворческой деятельности, однако неясно, кто и на каком основании может наделить ученых-юристов полномочиями формулировать, создавать общеобязательные правила поведения, неисполнение которых повлечет за собой юридическую ответственность.

Мы полагаем, что для признания доктрины источником (формой) гражданского процессуального права у судов должны существовать легальные, подтверждаемые ссылками на закон основания для вывода о ее общеобязательности, пусть даже имплицитные, как в случае с актами высших судов. Поэтому мы проанализируем законодательство на предмет возможности выявления признаков прямого или косвенного закрепления в гражданском процессуальном законе необходимости обращения к правовой доктрине как источнику (форме) права.

Так, встречаются рассуждения, в которых делается верный промежуточный вывод: поскольку ч. 5 ст. 11 ГПК РФ допускает применение судом норм иностранного права, а в соответствии со ст. 195 ГПК РФ решение суда должно иметь обоснованный характер, то российский суд должен обращаться к исследованию и толкованию применяемых норм зарубежного права. Далее, исходя из закрепленного в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ права суда применять аналогию закона, также абсолютно верно утверждается необходимость применения в гражданском судопроизводстве положений ч. 1 ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (АПК РФ), согласно которым суд при применении норм иностранного права должен установить содержание этих норм, в том числе в понимании, согласующемся с доктриной, существующей в соответствующем государстве. Однако следующий в этой цепочке рассуждений вывод о том, что иностранная правовая доктрина «в указанном случае используется наряду с такими источниками, как нормы законодательства и судебная практика» (Шуберт 2017), т. е. является источником (формой) отечественного права, представляется нам неприменимым к российскому гражданскому процессуальному праву, поскольку в ст. 14 АПК РФ, как и в ст. 11 ГПК РФ, речь идет о применении норм материального, но не процессуального права.

Следовательно, вышеприведенная цепочка рассуждений приводит лишь к выводу о том, что иностранной правовой доктрине в определенных случаях могут быть присущи свойства, характерные для источника (формы) той или иной отрасли материального права, но эти рассуждения не способны служить основанием для вывода об отнесении правовой доктрины к источникам (формам) гражданского процессуального права. Кроме того, подобные рассуждения не решают проблему отсутствия у правовой доктрины свойства правовой определенности, так как не дают ответа на вопрос, какой именно текст, какую из многих юридических теорий следует признать доктринальной, по какому критерию можно отличить научные

положения, за которыми следует признать силу нормы права, от положений, сформулированных в качестве научных гипотез.

Отметим абсолютно верное, подчеркивающее значение правовой доктрины умозаключение Т. Н. Нешатаевой: «Теоретические исследования являются важнейшим источником знания при восполнении в порядке аналогии закона или аналогии права многочисленных пробелов законодательства» (Нешатаева 2000, 110). Однако источник знания о праве вовсе не равен признанию доктрины источником в иных значениях. Поэтому нельзя согласиться с Т. Э. Шуберт, которая, обратив внимание на общепринятую среди юристов практику обращаться к комментариям законодательства, полагает, что доктрина «в полном объеме восполняет правовые пробелы, развивает право и формулирует новые правовые положения» (Шуберт 2018, 12). Юристы, включая судей и представителей законодательных органов, действительно достаточно часто используют комментарии законодательства, содержащие доктринальные тексты, однако эти тексты сами по себе не восполняют пробелы в праве, а предлагают возможные варианты их заполнения. С таким же успехом судьи могут положить в основу решения не доктринальные положения, а собственные рассуждения.

Описываемые в юридической литературе случаи использования судами отдельных положений правовых доктрин для мотивировки своих решений в действительности не демонстрируют судейского восприятия доктрины в качестве источника (формы) права. Подобные ссылки, по нашему мнению, лишь один из дополнительных аргументов, не имеющий решающего характера, используемый наряду с правилами логики и бытового здравого смысла, и зачастую выступают проявлением либо недостаточного знания процессуального законодательства, либо отсутствия желания прямо на него ссылаться.

Так, приводимые в качестве подобного примера факты мотивировки судами своих выводов «теорией плодов отравленного дерева», согласно которой «все осуществленные процессуальные действия и полученные результаты после приобретения доказательств с нарушением закона... не могут оцениваться как допустимые, относимые и достоверные» (Сокольская, Анисимов 2019, 8), на самом деле представляют результат поэтического переложения общеизвестного правила логики, утверждающего, что из неверной посылки может следовать все что угодно, в том числе даже правильный вывод.

Более того, так называемая теория плодов отравленного дерева, вероятно, когда-то впервые сформулированная в тексте, созданном ученым-юристом, а затем признанная частью правовой доктрины, в настоящее время в гражданском процессуальном праве полностью поглощена правилом о том, что полученные с нарушением закона доказательства не могут быть положены в основу судебного решения ввиду отсутствия у них юридической силы, т. е. нормой, прямо закрепленной в ч. 2 ст. 55 ГПК РФ, каковая и является формой внешнего выражения права.

Таким образом, в данном случае мы видим наглядное проявление такого подмеченного С. В. Бошно свойства правовой доктрины, как стремление раствориться в других источниках и формах права (Бошно 2005, 290). Положения, сформулированные в доктрине, в юридической науке, после их включения в текст закона получают внешнее выражение в форме нормативного правового акта, а после их включения в текст судебного постановления — в форме судебного прецедента или иного акта, фиксирующего результаты судебного правотворчества.

Случаи использования правовой доктрины для обоснования применимых к гражданскому процессуальному праву правовых позиций можно обнаружить в практике Конституционного Суда РФ, состоящего из известных отечественных ученых-юристов, которые при осуществлении конституционного правосудия обращаются к авторитетным научным источникам.

Так, в п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 № 30-П упоминается современная доктрина справедливого правосудия, ссылка на которую использована для обоснования вывода о том, что принципы законности, конфиденциальности, диспозитивности, состязательности, равноправия сторон, независимости и беспристрастности третейских судей являются фундаментальными, но их действие в третейском разбирательстве в силу негосударственной природы третейского суда имеет свои особенности, состоящие в следующем:

- принцип законности означает в том числе, что к основаниям для отмены решения третейского суда либо отказа в его исполнении относятся вынесение им решения с нарушением основополагающих принципов российского права или вынесение решения по спору, не могущему быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом;
- принцип диспозитивности имеет более широкое содержание, чем в гражданском судопроизводстве.

Сотворил ли при этом Конституционный Суд РФ новую норму (нормы) гражданского процессуального права? Полагаем, что нет. Достаточно ли было бы Конституционному Суду РФ сослаться на положения гражданского процессуального законодательства, чтобы прийти к аналогичным выводам? Полагаем, что да.

В ГПК РФ прямо закреплено: рассмотрение третейским судом спора, не могущего быть предметом третейского разбирательства, является основанием для отмены решения третейского суда (ст. 421) или отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение (ст. 426). В этих же статьях в качестве соответствующих оснований на момент принятия Конституционным Судом РФ указанного постановления называлось нарушение третейским судом основополагающих принципов российского права. Бóльшая же диспозитивность третейского производства вытекает из положений процессуального законодательства и законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве). Таким образом, в данном случае упоминание доктрины факультативно и не может рассматриваться как пример ее использования в качестве источника (формы) гражданского процессуального права.

Упоминание в ч. 2 п. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П доктрины свободы усмотрения (*margin of appreciation*), предполагающей, что государство имеет всю полноту «публичной власти для установления и осуществления эффективных мер защиты и обеспечения реализации» (Гюлумян 2015), прав, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950), также не привело к созданию новой нормы гражданского процессуального права.

Не была создана новая норма права и использованием в п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 № 20-П ссылки на доктрину процессуального права для дополнительного обоснования отсутствия несовместимости «уни-

версального (общего) характера принципа присуждения судебных расходов лицу, в пользу которого состоялось судебное решение, с теми или иными формами проявления дифференциации правил распределения судебных расходов». Сделанный в данном Постановлении итоговый вывод о неконституционности оспариваемых норм непосредственно ссылками на доктрину не обосновывался. Следовательно, при мотивировке данного постановления правовая доктрина непосредственно не применялась как форма права.

Однако нельзя исключить в будущем возможности создания новой нормы гражданского процессуального права Конституционным либо Верховным Судом РФ с использованием ссылок на правовую доктрину, причем не просто с ее упоминанием в качестве одного из дополнительных доводов, но с включением ее в число аргументов, необходимых для сотворения такой нормы. В подобном случае нужно будет вновь вспомнить об уникальности, исключительности доктрины как источника права, специфика которого, как справедливо обращает внимание М. Ю. Емелин, состоит в стремлении слиться с другими источниками (формами) права, раствориться в них, превратиться в результат правотворческой деятельности, направленной на создание нормативного правового акта, или судебный прецедент, устанавливающий определенную практику разрешения той или иной категории споров (Емелин 2015, 38). Поэтому мы полагаем, что даже такая ситуация не даст оснований вести речь о приобретении доктриной свойств источника права в значении формы права, поскольку доктринальные положения, использованные для создания новой нормы права, в этом случае неминуемо преобразуются в одну из форм судебного правотворчества.

Научные работы не могут рассматриваться как феномен, самодостаточный для обоснования судебных решений. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 29.05.2001 № 83-Г01-08 ссылка суда первой инстанции «на учебник теории государства и права под редакцией доктора юридических наук Алексева С. С. и на комментарий к ст. 116 ГПК РСФСР (под редакцией Сергеева Д. А. и Рыжакова А. П.)» признана неправомерной, «поскольку учебники и комментарии к законодательству не являются источниками права и в силу ст. 10 ГПК РСФСР (аналог ст. 11 ГПК РФ. — Н. С.) не могут применяться судом непосредственно в качестве обоснования судебного решения»⁶.

Имеющиеся примеры успешной, эффективной работы научно-консультативных советов при законодательных органах и различных судах⁷, случаи обращения законодательной и судебной власти в научные учреждения с просьбами дать заключение, консультацию по тем или иным сложным правовым вопросам не означают, что выводы, сформулированные в таких заключениях, консультациях, обязательны во время принятия закона либо судебного постановления. Так, закре-

⁶ Отдельные положения Закона Брянской области «О законах и иных нормативных правовых актах Брянской области» правомерно признаны противоречащими федеральному законодательству, так как в них указывается на придание официальным актам — разъяснениям областной Думы той же юридической силы, что и областным законам (Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2001 № 83-Г01-08).

⁷ Например, Научно-консультативный совет при Верховном Суде РФ действует для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики на основании ст. 19 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ».

пленный в § 75 Регламента Конституционного Суда РФ механизм взаимодействия Конституционного Суда РФ с научными организациями и гражданами, осуществляющими научную деятельность, даже в редакции Решения Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 дает возможность использования юридической доктрины и подтверждает тезис, что «решение суда не может быть принято без единства доктрины и практики, а доктрина, в свою очередь, невозможна без науки» (Бондарь, Джагарян 2018), но в то же время, как и содержание Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде РФ от 07.08.2014 № 8, ярко свидетельствует о рекомендательном характере научных заключений *amicus curiae* (друзей суда), что само по себе достаточно убедительно подтверждает отсутствие обязательного характера у правовой доктрины.

Таким образом, правовая доктрина, безусловно, выступает источником в материальном смысле данного слова, прежде всего источником знаний о праве, некоей базовой правовой материей, служащей основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме. Правовая доктрина способна помогать в осознании и уяснении действительного смысла нормы права, однако сама не является формой внешнего выражения норм гражданского процессуального права, не создает новых общеобязательных правил поведения, действующих в отношении неопределенного круга лиц, так как не обладает для этого необходимыми определенностью и обязательностью. При включении положений юридической доктрины в акт того или иного государственного органа они, конечно, приобретают обязательность, равную обязательности такого акта, однако положения доктрины растворяются в том акте, в который они были включены, поглощаются им, принимают его форму.

Нельзя недооценивать значимость доктрины для развития гражданского процессуального права, формирования его аналитического, системного понимания, необходимого для устранения возникающих в ходе его развития недостатков, а также для разрешения правовых коллизий. Степень ее воздействия на совершенствование гражданского процессуального закона тесно связана с ценностью составляющих ее научных трудов. Отраженные в доктрине результаты научной деятельности, как справедливо отмечает Х.И. Гаджиев, должны проникать в законодательство и правоприменение и влиять на них (Гаджиев 2019, 15). Это воздействие наиболее явным образом проявляется в том, что, динамично реагируя на изменения в общественной жизни, наука оказывает опосредованное воздействие и на законодателя, и на правоприменителя, прежде всего формируя правосознание субъектов права, в первую очередь судей и других юристов, субъектов, которые своей деятельностью создают право.

3. Выводы

Толкование права, осуществляемое судами, сопряжено с обращением не только к действующему законодательству, но и к достижениям юридической науки, к правовой доктрине, что прямо свидетельствует о ее значимости для правового регулирования и правоприменения. Проведенное в настоящей статье исследование доктрины гражданского процессуального права позволило нам сформулировать авторское определение данного правового феномена, выявить его существенные

черты, а также обосновать невозможность включения правовой доктрины в состав источников (форм) гражданского процессуального права.

Доктрину гражданского процессуального права следует рассматривать как источник знаний о праве, служащий основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме, как системосоздающий феномен, являющийся теоретико-методологической основой правовой системы, предлагающий перспективные модели правовой реальности, судоустройства и гражданского судопроизводства, правового регулирования процедуры рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, влияющий на духовные, ментальные ценности, прежде всего на правосознание судей, практикующих юристов и иных участников гражданского процесса.

Именно доктрина гражданского процессуального права, научные исследования в области судоустройства и гражданского судопроизводства, отражающие реальные потребности российского общества, позволят вывести наше правосудие на новый, более высокий уровень правоприменения, сопоставимый с лучшими мировыми стандартами.

Библиография

- Бондарь, Николай С., Армен А. Джагарян. 2018. *Правосудие: ориентация на Конституцию*. М.: Норма, Инфра-М. Дата обращения 13 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ofuD58TWWsfV1xzu&cacheid=CCBD375D250F9456BA45096EC3276CBD&mode=splus&rnd=SBFPiw&base=CMB&n=18525#S70E58T8W6L4GXWT2>.
- Бошно, Светлана В. 2005. «Форма права: теоретико-правовое исследование». Дис. ... д-ра. юрид. наук, Российская академия государственной службы при Президенте РФ.
- Братусь, Сергей Н., ред. 1953. *Юридический словарь*. М.: Госюриздат.
- Вавилин, Евгений В. 2008. «Тенденции развития отечественной правовой доктрины: механизм осуществления гражданских прав». *Научные труды Российской академии юридических наук* 8: 86–90.
- Васильев, Антон А. 2007. «Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы». Дис. ... канд. юрид. наук, Сибирский федеральный университет.
- Введенский, Борис А., ред. 1963. *Энциклопедический словарь*: в 2 т. Т. 1: А — Маскарон. М.: Советская энциклопедия.
- Вопленко, Николай Н. 2004. *Источники и формы права*. Волгоград: Волгоградский государственный университет.
- Воронов, Александр Ф. 2017. «Содержание экономической деятельности». *Вестник гражданского процесса* 6: 13–33. Дата обращения 13 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=111G58TR5Hkly8PU&cacheid=5808C2FD5AC368F3CF9259C5B45BFF37&mode=splus&rnd=A82FE84BA1E8DD804CA2CD88EDC1B93E&base=CJI&n=110579#Ly2G58T1J9mkQZf4>.
- Гаджиев, Ханлар И. 2019. «Судебные доктрины и эффективность правоприменения». *Журнал российского права* 6: 14–27.
- Гюлумян, Владимир Г. 2015. «Принципы толкования Европейской конвенции прав человека (критика и защита)». *Журнал конституционного правосудия* 3: 6–18. Дата обращения 13 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=111G58TR5Hkly8PU&cacheid=C2D1116E5B31797AC038A217290F4587&mode=splus&rnd=A82FE84BA1E8DD804CA2CD88EDC1B93E&base=CJI&n=88454#inGG58TkKDxa22eu>.
- Демичев, Алексей А., Оксана В. Исаенкова. 2006. «Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России». *Частноправовые проблемы взаимодействия материального и процессуального права: материалы международной научно-практической конференции (г. Ульяновск, 15–16 сентября 2006 г.)*. Ульяновск: Юрист.

- Емелин, Михаил Ю. 2015. «Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США». Дис. ... канд. юрид. наук, Саратовская государственная юридическая академия.
- Зайцев, Владимир В., Айнур Г. Демиева. 2019. «О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ)». *Методологические проблемы цивилистических исследований* 1: 64–86.
- Зайцев, Олег В. 2014. «Проблемные вопросы доктрины гражданского права». *Вестник Пермского университета* 1 (23): 111–117.
- Зайцев, Олег В. 2017а. *Современные проблемы доктрины гражданского права*. М.: Статус.
- Зайцев, Олег В. 2017б. «Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России». Дис. ... д-ра юрид. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Зозуля, Андрей А. 2006. «Доктрина в современном праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.
- Курбатов, Алексей Я. 2013. *Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России*. М.: Юстицинформ.
- Лазарев, Валерий В., ред. 2020. *Судебные доктрины в российском праве: теория и практика*. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, Норма, ИНФРА-М.
- Лебедев, Вячеслав М., Талия Я. Хабриева, ред. 2012. *Правосудие в современном мире*. М.: Норма, Инфра-М. Дата обращения 13 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СМВ&n=17535#vY5y88TZ9u10FTyS>.
- Мадаев, Евгений О. 2012. «Доктрина в правовой системе Российской Федерации». Дис. ... канд. юрид. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
- Малешин, Дмитрий Я. 2010. *Методология гражданского процессуального права*. М.: Статус.
- Нерсисянц, Владик С. 1999. *Общая теория права и государства*. М.: ИНФРА-М.
- Нешатаева, Татьяна Н. 2000. *К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине*. М.: Юристь.
- Пацация, Малхаз Ш. 2015. «О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах». *Вестник гражданского процесса* 5: 10–61.
- Пряхина, Татьяна М. 2004. «Конституционная доктрина современной России». Дис. ... д-ра юрид. наук, Саратовская государственная академия права.
- Пузиков, Руслан В. 2003. «Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики». Дис. ... канд. юрид. наук, Нижегородская академия МВД России.
- Самсонов, Николай В. 2019. «Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права». *Право. Журнал Высшей школы экономики* 2: 139–162.
- Самсонов, Николай В. 2021. «Система источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации». Дис. ... д-ра юрид. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Свирин, Юрий А., Евгения В. Леус. 2015. «К вопросу об источниках гражданского процессуального права». *Современное право* 3: 73–78.
- Скитович, Виктор В., Валерия В. Седельник. 2011. «Гражданское право и гражданский процесс: взаимозависимость и самостоятельность». *Журнал российского права* 5: 40–48.
- Сокольская, Людмила В., Алексей П. Анисимов. 2019. «Проблемы легализации правовой доктрины в Российской Федерации». *Современное право* 4: 5–12.
- Тихомиров, Михаил Ю., ред. 2005. *Юридическая энциклопедия*. М.: Издательство М. Ю. Тихомирова.
- Треушников, Михаил К., ред. 2014. *Гражданский процесс*. М.: Статус.
- Улёгова, Галина Д. 2007. *Источники исполнительного права Российской Федерации*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Федина, Анжелика С. 2014. «Форма и содержание принципов гражданского процессуального права». *Журнал российского права* 11: 107–114.
- Фокина, Марина А. 2011. «Механизм доказывания по гражданским делам». Дис. ... д-ра юрид. наук, Российская академия правосудия.

- Хабриева, Талия Я. 2009. «Доктринальное значение российской Конституции». *Журнал российского права* 2: 34–38.
- Хохлов, Вадим А., ред. 2009. *Российское предпринимательское право*. М.: РИОР
- Чепурнова, Наталья М., Серегин Андрей В. 2007. *Теория государства и права*. М.: Евразийский открытый институт.
- Шуберт, Татьяна Э. 2017. «Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации)». *Журнал российского права* 2: 48–56. Дата обращения 13 апреля, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=111G58TR5Hkly8PU&cacheid=73CB622093545C8463B0498C48CB95A9&mode=splus&rnd=A82FE84BA1E8DD804CA2CD88EDC1B93E&base=CJI&n=101674#G2vG58T5nZtu1Dl4>.
- Шуберт, Татьяна Э. 2018. *Доктрина, законодательство, судебная практика: вопросы взаимодействия*. М.: ИНФРА-М.
- Ярков, Владимир В., ред. 2017. *Гражданский процесс*. М.: Статут.

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2021 г.;
рекомендована к печати 15 марта 2022 г.

Контактная информация:

Самсонов Николай Владимирович — д-р юрид. наук, доц.; nsamsonov@yandex.ru

The doctrine of civil procedure law and its importance for national judicial procedure

N. V. Samsonov

Russian State University of Justice (Rostov branch),
66, pr. Lenina, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation

For citation: Samsonov, Nikolai V. 2022. “The doctrine of civil procedure law and its importance for national judicial procedure”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 415–432.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.208> (In Russian)

The article analyses approaches to the understanding legal doctrines that exist in legal science, in order to determine the essence of the civil procedure doctrine, to dissociate it from other related notions and to identify its importance for national judicial procedure. While using this basis, the author gives his definition of “the doctrine of civil procedure law” and gives a classification of legal doctrines. Furthermore, existing cases of the Constitutional Court of the Russian Federation and other courts using civil procedure doctrine in order to motivate their decisions are studied. A conclusion is made that there is no judge’s perception of the doctrine as a source (a form) of law and it is only used as a supplementary argument not having a decisive character and being used along with rules of logic and of common sense. Among considerable factors preventing judges from using the legal doctrine in such a capacity, the author indicates its non-compliance with conditions of legal certainty and legally binding character and the lack of a mechanism for applying doctrinal provisions to civil judicial procedure, as well as the fact that the legal doctrine tends to be dispersed in other sources of law. As a result, the author suggests regarding the doctrine of civil procedure law not as a source (a form) of law, but as a source of legal knowledge providing basis for the emergence of law in a form of legislative act, legal case or other, as a phenomenon being a theoretical and methodological basis of legal system, giving future-oriented models of court organization and civil judicial procedure, legal regulation of legal procedure in courts of general jurisdiction concerning civil cases, a phenomenon having an impact on judges’ and other civil procedure participants’ legal conscience.

Keywords: civil legal proceedings, civil litigation, legal doctrine, sources (forms) of law, reasoning of decisions, legal position, legal interpretation.

References

- Bondar', Nikolai S., Armen A. Dzhagarian. 2018. *Justice: An orientation towards the Constitution*. Moscow, Norma, Infra-M Publ. Accessed April 13, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=oFuD58TWWsfV1xzu&cacheid=CCBD375D250F9456BA45096EC3276CBD&mode=splus&rnd=SBFPiw&base=CMB&n=18525#S70E58T8W6L4GXWT2>. (In Russian)
- Boshno, Svetlana V. 2005. "Form of law: Theoretical and legal research". Dr. Sci. diss., Rossiiskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF. (In Russian)
- Bratus', Sergei N., ed. 1953. *Legal Dictionary*. Moscow, Gosiurizdat Publ. (In Russian)
- Chepurnova, Natal'ia M., Andrei V. Seregin. 2007. *Theory of state and law*. Moscow, Evraziiskii otkrytyi institut Publ. (In Russian)
- Demichev, Aleksei A., Oksana V. Isaenkova. 2006. "Non-traditional sources of civil procedural law in Russia". *Private law problems of interaction of substantive and procedural law: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Ul'ianovsk, 15–16 sentyabrya 2006 g.)*. Ulyanovsk, Iurist Publ. (In Russian)
- Emelin, Mikhail Iu. 2015. "Legal doctrine in the common law source system: Based on an analysis of the U. S. legal system". PhD diss., Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaiia akademiia. (In Russian)
- Fedina, Anzhelika S. 2014. "Form and content of the principles of civil procedural law". *Zhurnal rossiiskogo prava* 11: 107–114. (In Russian)
- Fokina, Marina A. 2011. "Evidence mechanism in civil cases". Dr. Sci. diss., Rossiiskaia akademiia pravosu-diiia. (In Russian)
- Gadzhiev, Khanlar I. 2019. "Judicial doctrines and the effectiveness of law". *Zhurnal rossiiskogo prava* 6: 14–27. (In Russian)
- Giulumian, Vladimir G. 2015. "Principles of interpretation of the European Convention on Human Rights (criticism and protection)". *Zhurnal konstitutsionnogo pravosu-diiia* 3: 6–18. Accessed April 13, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=11G58TR5HkIy8PU&cacheid=C2D1116E5B31797AC038A217290F4587&mode=splus&rnd=A82FE84BA1E8DD804CA2CD88EDC1B93E&base=CJI&n=88454#inGG58TkKDXa22eu>. (In Russian)
- Iarkov, Vladimir V., ed. 2017. *Civil procedure*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Khabrieva, Taliia Ia. 2009. "Doctrinal significance of the Russian Constitution". *Zhurnal rossiiskogo prava* 2: 34–38. (In Russian)
- Khokhlov, Vadim A., ed. 2009. *Russian business law*. Moscow, RIOR Publ. (In Russian)
- Kurbatov, Aleksey Ia. 2013. *Protection of rights and legitimate interests in the context of the "modernization" of the legal system of Russia*. Moscow, Iustitsinform Publ. (In Russian)
- Lazarev, Valerii V., ed. 2020. *Judicial doctrines in Russian law: Theory and practice*. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, Norma, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Lebedev, Viacheslav M., Taliia Ia. Khabrieva, eds. 2012. *Justice in the modern world*. Moscow, Norma, Infra-M Publ. Accessed April 13, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17535#vY5y88TZ9u10FTyS>. (In Russian)
- Madaev, Evgenii O. 2012. "Doctrine in the legal system of the Russian Federation". PhD diss., Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki". (In Russian)
- Maleshin, Dmitrii Ia. 2010. *Methodology of civil procedural law*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Nersesiants, Vladik S. 1999. *General theory of law and state*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Neshataeva, Tat'iana N. 2000. *On the issue of the sources of law — judicial precedent and doctrine*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Patsatsiia, Malkhaz Sh. 2015. "Discretionary powers of officials of the Supreme Court of the Russian Federation in civil and arbitration proceedings". *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* 5: 10–61. (In Russian)
- Priakhina, Tat'iana M. 2004. "Constitutional doctrine of modern Russia". PhD diss., Saratovskaia gosudarstvennaia akademiia prava. (In Russian)
- Puzikov, Ruslan V. 2003. "Legal doctrine in the field of legal regulation: Problems of theory and practice". PhD diss., Nizhegorodskaia akademiia MVD Rossii. (In Russian)
- Samsonov, Nikolai V. 2019. "Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a source of domestic civil procedural law". *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 2: 139–162. (In Russian)

- Samsonov, Nikolai V. 2021. "The system of sources (forms) of civil procedural law of the Russian Federation". Dr. Sci. diss., Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF. (In Russian)
- Shubert, Tat'iana E. 2017. "The role of doctrine in lawmaking and law enforcement (on the example of the Constitutional Court of the Russian Federation)". *Zhurnal rossiiskogo prava* 2: 48–56. Accessed April 13, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=11G58TR5Hkly8PU&cacheid=73CB622093545C8463B0498C48CB95A9&mode=splus&rnd=A82FE84BA1E8DD804CA2CD88EDC1B93E&base=CJI&n=101674#G2vG58T5nZtu1Dl4>. (In Russian)
- Shubert, Tat'iana E. 2018. *Doctrine, legislation, judicial practice: Issues of mutual influence*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Skitovich, Viktor V., Valeriia V. Sedel'nik. 2011. "Civil law and civil procedure: Interdependence and independence". *Zhurnal rossiiskogo prava* 5: 40–48. (In Russian)
- Sokol'skaia, Liudmila V., Aleksei P. Anisimov. 2019. "Problems of legalization of legal doctrine in the Russian Federation". *Sovremennoe pravo* 4: 5–12. (In Russian)
- Svirin, Iurii A., Evgeniia V. Leus. 2015. "On the issue of the sources of civil procedural law". *Sovremennoe pravo* 3: 73–78. (In Russian)
- Tikhomirov, Mikhail Iu., ed. 2005. *Legal encyclopedia*. Moscow, Izdatel'stvo M. Iu. Tikhomirova Publ. (In Russian)
- Treushnikov, Mikhail K., ed. 2014. *Civil procedure*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Uletova, Galina D. 2007. *Sources of the executive law of the Russian Federation*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Vasil'ev, Anton A. 2007. "Legal doctrine as a source of law: Historical and theoretical issues". PhD diss., Sibirskii federal'nyi universitet. (In Russian)
- Vavilin, Evgenii V. 2008. "Trends in the development of domestic legal doctrine: The mechanism for the implementation of civil rights". *Nauchnye trudy Rossiiskoi akademii iuridicheskikh nauk* 8: 86–90. (In Russian)
- Voplenko, Nikolay N. 2004. *Sources and forms of law*. Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Voronov, Aleksandr F. 2017. "Content of economic activity". *Vestnik grazhdanskogo protsessora* 6: 13–33. Accessed April 13, 2021. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=11G58TR5Hkly8PU&cacheid=5808C2FD5AC368F3CF9259C5B45BFF37&mode=splus&rnd=A82FE84BA1E8DD804CA2CD88EDC1B93E&base=CJI&n=110579#Ly2G58T1J9mkQZf4>. (In Russian)
- Vvedenskii, Boris A., ed. 1963. *Encyclopedic dictionary*. In 2 vols, vol. 1: A — Maskaron. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Zaitsev, Oleg V. 2014. "Problematic issues of the doctrine of civil law". *Vestnik Permskogo universiteta* 1 (23): 111–117. (In Russian)
- Zaitsev, Oleg V. 2017a. *Modern problems of the doctrine of civil law*. Moscow, Status Publ. (In Russian)
- Zaitsev, Oleg V. 2017b. "Formation and development of the modern doctrine of civil law in Russia". Dr. Sci. diss., Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF. (In Russian)
- Zaitsev, Vladimir V., Ainur G. Demieva. 2019. "On some problems of scientific novelty in civil studies (on the example of dissertations)". *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovani* 1: 64–86. (In Russian)
- Zozulia, Andrei A. 2006. "Doctrine in modern law". PhD diss., Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoiuzov. (In Russian)

Received: April 21, 2021
Accepted: March 15, 2022

Author's information:

Nikolai V. Samsonov — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; nsamsonov@yandex.ru